

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Смоленский государственный университет»

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*Ученые записки
Смоленского государственного университета*

Выпуск 21

Смоленск
Издательство СмолГУ
2021

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Смоленского государственного университета*

Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 21 / отв. ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ. 2021. 310 с.

ISBN 978-5-907148-82-6

В сборнике представлены уже ставшие традиционными разделы, посвященные исследованиям русской и зарубежной литературы – поэзии, прозы и драматургии XIX–XXI веков; теории текста; литературы Смоленской земли, а также публикуются архивные материалы и представлена литературная критика. В сборник включены материалы научного проекта «Авраамиевская седмица».

Сборник включен в национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ.

**УДК 37.014
ББК 74.04 (2)**

*Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко
по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтисписе
«Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).*

ISBN 978-5-907148-82-6

© Коллектив авторов, 2021
© Смоленский государственный университет, 2021

Л.В. Павлова, И.В. Романова

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия
УДК 821.161.1*

ФЕНОМЕН «ПЕРСОНЫ» (СМОЛЕНСК)

Ключевые слова: литературное объединение «Персона», литературная студия, современная поэзия, конвенция, традиция, стих.

Статья представляет собой анализ специфики смоленской литературной студии «Персона» почти за 30 лет ее существования и поднимает вопросы истории ее возникновения, определения формата и проявления черт как студии, так и литературного объединения. В диахронии проводится обзор отношения ее авторов к традиции, цели и сущности поэтического творчества. Определяется место «Персоны» в контексте региональной литературы. Стихотворная речь авторов «Персоны» рассматривается на широком фоне профессиональной и любительской современной поэзии. Авторы статьи приходят к заключению о том, что «Персона» стала уникальным культурным явлением, не имеющим аналогов ни на Смоленской земле, ни за ее пределами. Она соединила в себе черты литературного объединения, студии и социально-просветительского проекта. Прочная филологическая основа, стремление к научной объективности анализа, культ текста, система трансляции основ филологической культуры, общегуманитарного образования позволили ее авторам внутри одного сообщества за 29 лет сохранить принципиальное разнообразие авторских манер и усвоить лучшие достижения российской поэзии.

Как все начиналось

Специфика литературной ситуации 1990-х годов состоит в том, что после объявления гласности в конце 1980-х годов в печать хлынул поток «возвращенной» литературы, именно она оказалась в центре внимания читателей и критиков. Собственно современная литература на время отошла в тень, пытаясь осмыслить самое себя. На начало 1990-х приходится процесс распада Советского Союза, а за ним – как следствие – развал Союза писателей СССР и образование множества союзов и прочих творческих объединений.

В ноябре 1992 года при кафедре истории и теории литературы Смоленского государственного педагогического института им. К. Маркса была образована литературная студия. Она стала наследницей аналогичной студии, основанной здесь в 1962 году Вадимом Соломоновичем Баевским. В 1992 году профессор Баевский заведовал кафедрой, а тридцать

лет назад приехал в Смоленск из шахтерского поселка на Донбассе, где учительствовал, защитил кандидатскую диссертацию по методике преподавания литературы и в институте сразу организовал два неформальных объединения – филологический кружок и литературную студию. В первом он помогал студентам осваивать основы исследовательской деятельности, во втором руководил творческим процессом. Филологический кружок со временем трансформировался в Филологический семинар, который существует уже больше полувека, завоевал репутацию серьезного научного полигона, на который стремятся попасть не только отечественные, но и зарубежные ученые, чтобы выступить и обсудить наиболее актуальные проблемы текущих исследований [Филологическому семинару – 40 лет, 2008.]. Поэтическая студия оказалась менее долговечной, однако она проложила дорогу в литературу нескольким ярким авторам, в первую очередь, Раисе Ипатовой (1946–2015). В 1969 году стихотворения молодых смоленских авторов составили сборник «Тропинка на Парнас», вышедший в Москве с сопроводительной статьей Н.И. Рыленкова, одного из классиков так называемой Смоленской поэтической школы, возглавлявшего Смоленское отделение Союза писателей. В этой статье содержится высокая оценка творчества студийцев: «<...> я, читая стихи еще совсем юных своих земляков-смолян, даже и не пытаюсь подходить к ним с мерками нашей так называемой “смоленской школы”». Им тесно в рамках только местных традиций. Им открыты достижения не только русской <...> поэзии, да и поэзии мировой». [Рыленков, 1969, 125] Вот как позже об этих событиях вспоминал В.С. Баевский: «На хорошем филологическом факультете такая студия необходима. “Поэзия – наука. Я не могу из вас всех сделать поэтов, но я могу вас сделать критиками, развить ваш вкус”, – говорил Гумилев участникам “Цеха поэтов”».

В 1962 г. ректор А.Д. Дунаев поручил мне создать литературную студию. То было поэтическое время, и уже через несколько лет я смог издать в Москве сборник стихов молодых авторов. <...>

Когда я начал заведовать кафедрой, я захотел, чтобы студия возродилась. Со стороны может показаться, что руководство литературным объединением – дело несложное. В действительности это маленький подвиг. Я привлек к этому делу профессионального поэта, ректор В.А. Петров выделил средства для оплаты его труда. И ничего не получилось. После этого я поручил студию сотруднице кафедры. И она не смогла ничего сделать» [Баевский, 2003].

Возобновить форму и практику литературной студии в 1990-е годы взялась ученица профессора В.С. Баевского и молодая сотрудница его кафедры Л.В. Павлова. Она читала на первом курсе «Введение в литературоведение» и для многих пишущих студентов, открывающих для себя, «как делать стихи?», обычно становилась первым квалифи-

цированным читателем и ценителем. Когда масса сочинительской продукции подошла к критической отметке, стало ясно, что творческих личностей необходимо каким-то образом организовывать и переключать друг на друга. Тут и пригодился опыт В.С. Баевского.

Для заседаний была выбрана пятница. Поначалу они проходили еженедельно по четыре-пять часов, авторы злоупотребляли вниманием, желая обсуждать только себя, приводили лишущих знакомых, так что состав студии очень быстро стал пестрым. Выработался регламент, ставший незыблемым: заседания стали проводиться раз в две недели в 17 ч. в Смоленском государственном педагогическом институте, позже государственном университете. Вначале каждой встречи заявляются авторы, желающие обсуждения. На обсуждение выносятся по одному небольшому прозаическому тексту или не более трех поэтических текстов от каждого автора, тексты распечатываются для всех присутствующих. Текст читается автором вслух, после чего начинается обсуждение. Какого-то фиксированного алгоритма или схемы анализа нет. Можно говорить о любом аспекте, но, как требовал некогда Николай Гумилев, «с придаточными», то есть обосновывая свое суждение, доказывая свою точку зрения. Не принято переходить на личности и говорить «а я бы написал по-другому». Все суждения для автора носят лишь рекомендательный характер.

Со временем обсуждение стало носить отчетливые черты, пусть не системного, не последовательного, но все же филологического анализа текста, ведь основные участники студии – филологи. Как правило, затрагиваются вопросы образов, композиции, языка и стиля, разных аспектов стихотворной речи, способов введения подтекста. Авторы и гости студии, не имеющие отношение к филологии, вольно или невольно вынуждены образовываться в этих вопросах, они начинают читать специальную литературу, постепенно овладевать терминологическим словарем теории литературы. Если прибавить к этому регулярные сообщения, которые участники студии готовят о новинках литературы – авторах, произведениях, художественных тенденциях, конкурсах и премиях, можно утверждать, что студия стала инструментом и механизмом самообразования его участников, безусловного повышения ими филологической и в целом гуманитарной культуры. Кафедра истории и теории литературы во главе с заведующим профессором В.С. Баевским опекала студию, устраивая совместные встречи и чтения с обсуждением стихов. Сам В.С. Баевский, а вслед за ним и другие члены кафедры писали вступительные заметки к публикациям молодых поэтов [Баевский 1992; Ермоленко, 1996; Баевский, 2003; Павлова, 2003; Павлова, Романова, 1999; Романова, 1999; Романова, 2003; Романова 2003 а; Романова, Смагина, 2003].

Их заметила и региональная пресса, и авторитетная литературная критика [Баркалов, 2004; Березнев, 1996; Бирюков, 2003; Бирю-

ков, 2005; Бирюков, 2003 (а); Глуховская, 2008; Кулагин, Ненашенская, 1996; Смагина, 1999; Соловьева, 1999; Тонконогов, 2005].

Когда авторы вполне насладились общением друг с другом, захотелось расширить аудиторию, обрести слушателей, начались публичные выступления самых разных форматов не только в Смоленске, но и в Москве, Петербурге. Особое внимание студийцы уделяли молодой аудитории, регулярно выступая в высших и средних учебных заведениях города и области. Устраивали поэтические акции в Смоленске, целью которых было привлечение внимания самой широкой аудитории к творчеству молодых поэтов и поэзии вообще: на стенах домов, столбах, автобусных остановках появлялись «листовки» со стихами. Возникли связи с другими литобъединениями (например, объединением РГГУ под руководством Анны Орлицкой, выпускавшем альманах «День открытых окон» и также представлявшем так называемую «университетскую» поэзию, Академией зауми при Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина под руководством поэта, литературоведа, теоретика и историка авангарда Сергея Бирюкова и публикации в их газете «Пигмалион»).

Начались участия в конкурсах, фестивалях, семинарах и мастер-классах, в 2002–2005 годах первые публикации «бумажных» [Кирсанов, 2002; Смагин, 2004; Смагина, 2005] и электронных авторских книг [Асадчий]. Вдохновляющим началом для этого послужил семинар, который в апреле 1997 года устроили молодым смоленским авторам специально приглашенные профессором В.С. Баевским в Смоленск поэтические «звезды» – Евгений Рейн, Татьяна Бек, Алексей Алексин и Владимир Строчков. Они очень высоко оценили уровень студийцев, сопоставив их с лучшими студентами Литературного института, где многие из поэтов вели свои семинары.

Рождение «Персоны»: от студии к объединению

К 1996 году накопилось достаточно достойных текстов, которые нужно было публиковать. Так возникла идея выпустить литературный альманах студии. В процессе обсуждения названия для него стало ясно, что необходимо дать название самой студии, альманах должен быть одноименным. В результате горячих дискуссий студия обрела имя – «Персона». В этом названии, с одной стороны, подчеркнута индивидуальность творчества, с другой – из традиционной юнгианской оппозиции ‘Анима/Анимус – Персона’ предпочтение отдано именно маске, под которой прячется автор и которая непосредственно обращена к читателю в образе лирического субъекта, лирического героя.

К выпуску альманаха подошли серьезно не только на этапе отбора текстов, оформления обложки (главным принципом стал коллаж из «персональных» фотопортретов), но и теоретически. Его открывает кол-

лективный манифест «Вчера и сегодня» [Персона, 1996, 5–6]. Сам факт написания манифеста говорит о том, что на четвертом году существования формат студии ее участникам стал тесен. Студия эволюционировала в литературное сообщество. Большинство ее участников были филологи, поэтому воспринимали свою первую публикацию в книжном формате как вхождение в литературу и считали своим долгом определить свое место в ней. Первоначально ориентация была на недавно реабилитированный и хлынувший потоком публикаций серебряный век, в нем ближе и понятнее был «Цех поэтов» – в большей степени по принципу организации вокруг безусловных лидеров, поэтов разной индивидуальности Гумилева и Городецкого, на основе общей идеи овладения поэтическим мастерством. (Подробнее см.: [Лекманов, 2001]).

Само название манифеста «Сегодня и завтра» направлено на ориентацию в историко-литературном процессе. В нем отсутствует понятие «вчера», но именно с определения пройденного этапа текст и начинается. Это то, по отношению к чему для участников «Персоны» действует принцип отталкивания: «период публицистики и документализма», вызванный «перестройкой» и связанной с ней общественно-политической остротой обсуждаемых вопросов, и «чрезмерный субъективизм и индивидуализм» – как противоположная герменевтическая и псевдоромантическая тенденция. Сегодняшний момент ощущается как переломный и характеризуется как закономерный напряженный художественный поиск, традиционно предшествующий всплеску духовной и культурной жизни начала века. Участники «Персоны» заявляют о своей готовности преодолеть камерность собственного творчества и перейти к различным формам общественно-литературной деятельности, внося тем самым вклад в этот ожидаемый культурный и духовный подъем.

Далее коротко излагаются основные мировоззренческие и эстетические взгляды участников группы, представленные по трем пунктам: мироощущение, предмет творчества, поэтика.

Концепция мироощущения гласит: «Жизнь ставит человека лицом к лицу с миром. Многогранность его предполагается или предчувствуется многими, но отсутствие перспективы не позволяет получить реальное представление об увиденном. И только художник способен, увидев обращенную к нему грань, запечатлеть это видение (в слове), тем самым сделав его достоянием всех. Появляется перспектива, картина мира усложняется. Таким образом поэзия служит средством создания и познания мира» [Персона, 1996, 6].

Предмет творчества авторы манифеста считают неизменным: это Человек, Бог, Мир. В разные времена изменялись только приоритеты внутри этой триады. Авторы «Персоны» заявляют: «Бог в человеке, чело-

век в мире». Первая часть не означает, что человек приравнивается к Богу. Имеется в виду осмысление человеком Бога. Вторая часть предполагает осмысление места человека в мире и их взаимоотношения.

В области поэтики предполагается широкое использование ресурсов не только литературного, но и разговорного языка, таким образом, чтобы «облагородить разговорную речь, оживить литературный язык» [Персона, 1996, 6]. Авторы приветствуют эксперименты в области словотворчества на разных языковых структурных уровнях, оговаривая, что эти эксперименты должны быть «органичны, оправданны и целесообразны».

В этом манифесте по сравнению с большинством известных документов подобного жанра [Литературные манифесты и декларации русского модернизма, 2017; Симян, 2013] нет принципиально новой программы и объявления об утверждении нового литературного стиля или школы. В целом он носит характер не нормативный, апеллятивный, не императивный, но декларативный и в меру полемический. В нем есть необходимая для подобного жанра, хотя и эмоционально сдержанно выраженная, не отраженная в экспрессивном синтаксисе и ярких образах, критическая позиция по отношению к предшествующей литературе прямого высказывания, публицистичности, равно как и к восторженно-романтической поэтике абстракций. Заявлено неприятие какой бы то ни было ангажированности. Есть попытки «моделирования будущего литературного поля» [Симян, 2013, 140]. К ним относится провозглашение нетривиальной для того времени христианской мировоззренческой и этической позиции; утверждение внимания к миру, его деталям. Если говорить о «формульности» [Симян, 2013, 137], то «Бог в человеке, человек в мире» претендует на формулу предмета творчества. Главное же – формулируется некая лингвоцентрическая позиция, при которой языку уделяется большое внимание – как стилистической палитре его использования, так и экспериментам в области словотворчества. Что касается манифестирования определенной общественной, деятельностной позиции, то к ней можно отнести готовность выйти за рамки частного творческого процесса и активно участвовать в литературно-общественной жизни, внося свой вклад в культурный подъем рубежа веков. И само название манифеста подчеркивает эту устремленность в будущее.

К вопросу терминологической точности: определение формата

Можно ли назвать «Персону» литературной школой? Пожалуй, нет, хотя некоторые черты этой институции ей присущи. Попробуем разобраться.

I. Литературная школа представляет собой довольно замкнутый круг хорошо знакомых между собой писателей, имеющих сходные взгляды на текущий литературный процесс, близкие вкусы, похожие

стратегии в области поэтики (тема, жанры, язык, стиль и т.п.). Часто общность эстетических взглядов оформляется в виде манифестов и прочих теоретических статей и публицистических высказываний.

Схожесть эстетических взглядов участников «Персоны», заявленная в манифесте «Сегодня и завтра» в 1996 году, сформулирована слишком общо, чтобы говорить о единстве поэтики – и на уровне предмета поэзии, и на уровне отношения к языку. Диапазон тем, языковых и стиховых экспериментов может быть очень широким. Уточнить индивидуальные литературные вкусы, ориентиры и взгляды на творчество помогают результаты анкетирования, проведенного среди авторов третьего выпуска альманаха в 1999 году – фактически среди авторов манифеста [Персона, 1999], а потом повторно – спустя 20 лет – в 2019-ом.

Вопросов было 6: 1. Кто оказал влияние на Ваше творчество? 2. Какова, на Ваш взгляд, цель творчества? 3. Что такое вдохновение? 4. Как не надо писать? 5. Что в поэзии меняется, а что остается неизменным? 6. Каким Вы представляете себе Вашего читателя?

Первый вопрос, по сути, о *конвенциональности творчества*, о генезисе. В 1999 году классики в меньшинстве. Единожды названы Пушкин (Д. Смагин) и Лермонтов (А. Соловьев). Абсолютное лидерство – за классиками серебряного века. Среди них единожды представлен декаданс в лице И. Анненского (Н. Дегтярева), символизм – в лице Блока (А. Соловьев) и Белого (Э. Кирсанов). Акмеисты удерживают уверенные позиции: Ахматова (Н. Дегтярева, В. Кисанова), Гумилев (Д. Рогацкин), Мандельштам (Н. Дегтярева). Разнообразно представлены футуристы: Маяковский (Д. Рогацкин, Н. Дядиков), Северянин (Д. Рогацкин), Хлебников (Э. Кирсанов) и ОБЭРИУты: Хармс, Введенский (Э. Кирсанов). Авангард представлен и его последователями – участниками поэтического объединения ДООС под руководством К. Кедрова (Д. Рогацкин). Кроме того, названы М. Кузмин, Цветаева (А. Соловьев), Г. Иванов (В. Кирсанова), Ходасевич (Н. Дегтярева), Саша Черный (Д. Рогацкин). Гораздо скромнее представлены авторы середины – второй половины XX века: Бродский (А. Соловьев, В. Кирсанова), Кушнер (В. Кирсанова) и А. Тарковский (Н. Дегтярева) – все в какой-то степени продолжатели акмеистической (петербургской) поэтической традиции. Русский рок представлен именами А. Башлачева (А. Асадчий) и Е. Летова (Н. Дядиков). Н. Дядиков указывает среди повлиявших на него поэтов авторов ближайшего «персонального» круга – А. Асадчего и Э. Кирсанова.

В русской прозе смоленские авторы признают влияние Достоевского (Н. Дегтярева, А. Соловьев), Ремизова (Э. Кирсанов), Гаршина (Н. Дядиков), С. Кржижановского (Э. Кирсанов), Набокова (Н. Дегтярева), Булгакова, Довлатова (А. Соловьев). Современность представлена одним Пелевиным (Н. Дядиков).

В зарубежной литературе совпали Л. Кэрролл (Н. Дегтярева, Э. Кирсанов) и Кафка (Э. Кирсанов, А. Соловьев), не совпали Шекспир и Лорка (В. Кирсанова), Бирс, Камю, Верлен, Фрост (Н. Дегтярева), Мильтон, Гюисманс, Борхес, (Э. Кирсанов), Такубоку, Ницше, Фрейд, Маркес (Д. Рогацкий), Сюлли-Прюдом, Кавафис, Пессоа, Неделчу, Бэккет, Кортасар, Павич, Тэнасе (А. Соловьев). При всей широте диапазона зарубежных пристрастий очевидна ориентация на игровую поэтику, психологизм, философичность, мифопоэтичность, филологичность, смелый художественный эксперимент.

Драматург А. Баркалов сформулировал свое отношение к традиции как соединение классической и альтернативной поэтик.

Среди ответов дважды упоминался другой вид искусства – живопись, а Э. Кирсанов конкретно указал Босха и Ван Гога, единой – музыки. Авторы осознают влияние окружающей действительности в целом.

Главные отличия ответов 2019 года заключаются в следующем.

Во-первых, среди повлиявших на собственное творчество авторы называют своих старших товарищей, смоленских филологов, авторов, прежде всего авторов «Персоны», создавших особую творческую среду: В. Баевского (А. Асадчий), Э. Кирсанова (С. Пегов), «мое ближайшее окружение» (Е. Агинская), «Движение жизни тоже влияет. “Персона” и филологическая среда придали этому неупорядоченному движению вектор» (А. Трифонова), «друзья по “Персоне”: Елена Агинская, Наталья Дегтярева» (Н. Андреева), «А вообще, среда повлияла. То сочетание обстоятельств и людей, студия та же» (А. Костылев), «Мама, “Персона”, литературные журналы, попавшие ко мне от одного из персоновцев» (Ю. Морозова).

Во-вторых, в 2019 году авторы оказываются глубже погружены в пространство современной поэзии. Среди ее авторов звучат имена Ольги Сedaковой (А. Азаренков, А. Трифонова), Веры Павловой (П. Леонова), Яна Сатуновского, Михаила Гронаса, Екатерины Соколовой (Д. Смагин), А. Еременко (С. Пегов), Григория Кружкова, Сергея Круглова (А. Трифонова), упоминается интернет-поэзия (П. Леонова).

Гораздо увереннее авторы осознают глобальное влияние на их творчество поэзии русского рока (А. Азаренков, А. Трифонова, П. Леонова).

Из ближайших поэтов предшественников лидирует Бродский (А. Азаренков, А. Костылев, А. Трифонова), называют Е. Шварц (А. Трифонова), Д. Новикова (С. Пегов). Середина века представлена тем же А. Тарковским (С. Пегов, А. Трифонова) и В. Высоцким (Д. Шполянский).

По-прежнему единодушны авторы в признании высокой степени влияния на них поэзии серебряного века в целом, а вот конкретных имен уже меньше: Цветаева (В. Кирсанова, А. Костылев, П. Леонова), Заболоцкий (С. Пегов, А. Трифонова), Ахматова (Н. Андреева), Пастернак (Д. Шполянский), Хлебников, Хармс, Парнок, Гуро (А. Трифонова), Маяковский (П. Леонова), Введенский (А. Азаренков). Очевидна прежняя ориентация преимущественно на акмеистическую и авангардную традиции.

Классическая линия представлена исключительно Пушкиным (А. Асадчий, О. Смагина, А. Трифонова).

Из иностранных авторов упоминаются только два поэта – Рильке (А. Костылев) и Целан (А. Азаренков). Современные «персонажи» явно развернулись от зарубежной литературы к отечественной, впитывая ее традиции.

Ситуация с прозой сохранила некоторые прежние пристрастия, например, к Достоевскому (О. Смагина, С. Пегов) и Набокову (Д. Шполянский); наконец, затронула «золотой век»: Пушкина, Гоголя, в более поздний период – Л. Толстого (О. Смагина), Чехова и Бунина (В. Кирсанова). От философов (теперь А. Асадчим упоминается только Л. Шестов) взоры обратились к мемуаристам и биографам – М. Волошиной, В. Швейцер, О. Лекманову (А. Трифонова). Е. Агинская отмечает прозу «шестидесятников» в целом, С. Пегов из советского периода выделяет Платонова, Фадеева, Василия Быкова, из современников Лимонова.

В последнем опросе только О. Смагина, отвечая на вопрос о влияниях, наравне с литературными именами назвала композиторов Баха и Генделя и в целом музыку и художников Боттичелли, П. Брейгеля и Ф. Калло и в целом живопись.

За 25 лет своего существования «Персона» меняла свои тематические и стиховые, технические пристрастия. Вместе с тем можно выделить характерные для нее доминантные черты:

- 1) отказ от прямого высказывания, открытой публицистичности;
- 2) ориентация на книжную поэзию. Доминантами остаются поэзия серебряного века во всем ее многообразии (прежде всего акмеистическая и авангардная линии) и ее последователи, творчество И. Бродского, русский рок, в последнее время – по преимуществу современная поэзия.

Надо признать, что «Персона» в первые десять лет своего существования, действительно, ориентировалась на поэтику авангарда, которую сознательно и последовательно развивал Эдуард Кирсанов (1972–2003), тесно сотрудничавший с Тамбовской Академией зауми, кроме него – Андрей Баркалов, Александр Асадчий. Ориентирами для них был

В. Хлебников, а также обзриуты во главе с Д. Хармсом и А. Введенским. Из наследия русского авангарда авторы «Персоны» почерпнули:

- абсурдизм, оказавшийся актуальным для переходной эпохи 1990-х годов;
 - умеренное словотворчество с вкраплениями зауми;
 - поиск выразительных средств за пределами семантики – в резервах самого языка, его грамматики;
 - устойчивое внимание в целом к звучанию поэтической речи, активное использование выразительных средств фоники;
 - использование иноязычных слов и выражений (английских, немецких, датских, греческих, арамейских) как дополнительных средств выразительности;
 - обращение к средствам графического оформления текста;
- 3) интерес к мировой культуре во всех ее проявлениях, в особенности – к живописи, актуализация темы творчества;
 - 4) интертекстуальность разной степени интенсивности;
 - 5) внимание к поэтической детали – как вещественной, так и психологической;
 - 6) отступление на второй план лирического «я», которое изображается скупой и сдержанно;
 - 7) напряженные поиски уникального авторского поэтического приема в композиции, системе образов, стиле, стихе.

Если сравнивать «Персону» нынешнюю и раннюю, периода 1990-х годов, можно отметить, пожалуй, одно, принципиальное отличие: современная «Персона» не избегает социальных тем, но в их художественном решении в ущерб сиюминутной актуальности опирается на архетипы, примеры, почерпнутые из исторической, религиозной, культурной парадигм. Анализ этой темы мог бы составить отдельное исследование.

Во взглядах на **цель творчества** мнения в 1999 сгруппировались следующим образом. Большинство респондентов убеждены в *целесообразности творчества как такового*: «Цель творчества можно понимать и в широком и в узком смысле. В узком смысле цель творчества – это то, что ты создаешь». В широком смысле – то, с какой целью ты это создаешь» (А. Асадчий); «Во-первых (думаю, многие это отметят), сам процесс. Во-вторых, осознание этических законов через эстетическое восприятие» (Н. Дегтярева); «Обнажать тайные мотивы поведения людей, они сложнее и интереснее явных. Выделить самые нужные главные для меня словесные конструкции и научиться пользоваться ими легко и сознательно» (В. Кирсанова); «Ее нет. Творчество – процесс конкретный и самодостаточный, результатом которого может явиться: а) артефакт; б) удовлетворение, в) освобождение от причинного материала; г) ничего» (Д. Рогацкий); «Сам процесс создания стихов» (Н. Фролова (Андреева)).

На втором месте оказался процесс *познания*, включающий и себя самого: «Просвещение насчет себя» (А. Баркалов); «Познать себя» (Э. Кирсанов); «Во-первых (думаю, многие это отметят), сам процесс. Во-вторых, осознание этических законов через эстетическое восприятие» (Н. Дегтярева).

Остальные мнения были единичны: *самовыражение*: «Поделиться своим видением мира с окружающими» (Н. Дядиков); *воздействие на читателя*: «Пробудить у читателя интерес к окружающему миру» (Д. Смагин); *обнажение психологических процессов*: «Обнажать тайные мотивы поведения людей, они сложнее и интереснее явных. Выделить самые нужные главные для меня словесные конструкции и научиться пользоваться ими легко и сознательно» (В. Кирсанова); и только один ответ подразумевал цель *духовно-религиозную*: «“Цель творчества – самоотдача” (шутка). Может быть, в том, чтобы творец приближался к Богу» (Е. Агинская).

Через 20 лет психологические и духовные ориентиры ушли, в распределении остальных ответов несколько изменились пропорции. Самым частым ответом стало *познание*: «Самопознание, примирение себя с действительностью» (Е. Агинская); «Выразить себя и помочь другим стать лучше, счастливее, что-то понять, с чем-то примириться» (Н. Андреева); «Запечатлеть истину» (Д. Вазовиков); «Высказать то, что дано только тебе. Сделать это понятным кому-то еще. Найти в этом тайну и поделиться ей» (А. Костылев); «Систематизация чувств и мира» (П. Леонова); «Познание мира вокруг и внутри себя» (С. Пегов); «Процесс познания посредством стихотворения, необязательно своего. Мышление в стихах» (Дм. Смагин); «Как и любого другого конечного явления – осмыслить и пережить свою отрезковую природу» (Д. Шполянский). На втором месте в равной степени оказались *самовыражение*: «Выразить себя и помочь другим стать лучше, счастливее, что-то понять, с чем-то примириться» (Н. Андреева); «Высказать то, что дано только тебе. Сделать это понятным кому-то еще. Найти в этом тайну и поделиться ей» (А. Костылев) и *способ выживания и примирения с действительностью*: «Самопознание, примирение себя с действительностью» (Е. Агинская); «Цель творчества – выжить, потому что без творчества невозможно пребывать в этой реальности» (А. Трифонова). Остальные ответы оказались единичны: *способ, форма воздействия на другого*: «Удивление» (А. Азаренков); «Глаголом жечь сердца людей» (В. Кирсанова); *запечатление, память*: «Запечатлеть момент. Вдруг всплывшее, переосмысленное событие из прошлого или произошедшее в настоящем, но так же удивившее» (Ю. Морозова); *сам процесс творчества без цели*: «Творчество бесцельно, поскольку является процессом создания художественного произведения. Само стихотворение можно предположить краткосрочной целью, если

вообразить поэта творцом, а не средством. Истинное движение цели не имеет» (А. Асадчий).

Попытки ***определить природу вдохновения*** и в раннем, и в позднем опросе сводятся к *описанию некоего (как правило, краткого) промежутка во времени, обычно экстатического, связанного с положительными, жизнеутверждающими эмоциями и имеющего иррациональную природу, в которой подразумевается и участие Высшего начала.*

1999 год: «Я для себя не определила, но очень часто мне кажется, что счастье» (Н. Фролова (Андреева)); «Поэзия – это приобретенный инстинкт человека. Суть поэзии – вдохновение, сиюминутное осознание причастности к некоему высшему порядку, высшей закономерности. В основе вдохновения лежит неизвестность. Мы не знаем, почему это происходит, но это происходит, и в итоге – вдохновение и его тайная, непознаваемая сущность» (А. Асадчий); «Мгновение, упустив которое сожалеешь» (Э. Кирсанов); «Момент, когда больше всего хочется жить» (Н. Дядиков); «Адреналин» (Д. Рогацкий); «Воодушевление, полет. Не знаю, это выше моего понимания» (Е. Агинская); «Вдохновение – отрезок существования, прожитый под диктовку свыше или из подсознания, как правило, находит отражение в искусстве, но может проявляться и в других сферах» (Н. Дегтярева); «Это счастливое состояние души, ума, когда лучшие слова в верной комбинации сами приходят к поэту и их не надо ни вынашивать, ни выпрашивать» (В. Кирсанова). Ответ А. Баркалова тоже, по сути, содержит мысль о путешествии в неведомое, но требующем от человека определенных усилий, собранности и искренности: «Вопрос вызывает затруднение. Полагаю, что это путешествие, требующее большой внутренней подготовки».

2019 год: «Состояние аффекта» (А. Асадчий); «Это озарение, молния. И если ее пропустишь, долго потом ничего из себя не выдавишь. Мне редко стихотворение целиком приходит, но уже знаю, что когда начинается, нельзя отвлекаться, это как рыбу ловить – нельзя потом, только когда клюет. Пару раз было, что не могла сразу записывать и очень хорошие стихотворения пропали безвозвратно, не смогла потом так вспомнить, что-то беспомощное взамен тому крутому из себя вымучивала» (В. Кирсанова); «Непредвиденная ясность ума и стройность чувствования в этот момент» (А. Костылев); «Момент, удивление» (Ю. Морозова); «Импульс, дающий старт к процессу создания стихотворения и вспышка в финале, позволяющая поставить точку» (Д. Смагин); «Внезапное прозрение, когда находишься в полной власти языковой среды» (С. Пегов); «Выход за рамки» (Е. Агинская); «Это когда кто-то свыше пишет твоей рукой» (Н. Андреева); «Это эмоции» (Д. Вазовиков); «То, что не подчиняется рамкам рации, чему я не могу дать определение. И нужно ли?» (А. Трифонова). Это особенное состояние связано с особым чувство-

ванием языка (С. Пегов) и ритма: «Навязчивое звучание ритма и слов в голове» (П. Леонова).

В 1999 году есть единственный ответ, который, наоборот, апеллирует к рационалистическому: «Необыкновенная ясность ума» (Д. Смагин). В 2019 году таких ответов два: «Идеальное сочетание желания и времени работать над поэтическим текстом» (Д. Шполянский); «Непредвиденная ясность ума и стройность чувствования в этот момент» (А. Костылев). А. Азаренков вообще *отрицает это состояние*: «Я не верю во вдохновение».

Практический вопрос о том, *как не надо писать*, – это вопрос об отталкивании, о неприятии определенной поэтики. В 1999 году большинство респондентов предлагали *ориентироваться на читателя*: «Так, чтобы это нельзя было читать» (А. Асадчий); «Невразумительно» (А. Баркалов); «Скучно» (Д. Смагин); «Не надо рифмовать то, что уже зарифмовано много раз, использовать более 10% абстрактных понятий в одном стихотворении, не надо пытаться сделать героя умнее автора и т.д. Словом, не надо писать так, чтобы поэт остался единственным читателем своего текста» (Н. Дегтярева). В последнем ответе есть и *оглядка на других поэтов*, которая тоже находится в поле зрения наших авторов: «Не надо противопоставлять себя человечеству» (Н. Фролова (Андреева))» «Лучше всех!» (Д. Рогацкий). В творческом процессе *отвергается заданность и натуажность*: «Не надо писать, для того, чтобы написать» (Е. Агинская); «Высасывая из пальца» (Н. Дядиков). Требовательности к себе требует В. Кирсанова: «Я думаю, что стихи можно писать везде и любыми способами. Главное – с какими требованиями к себе поэт пишет стихотворение». И никакого рецепта не дает Э. Кирсанов: «Это каждому приходится решать самому».

Большинство ответов 2019 года распределилось между двумя критериями. Первый отвергает *повторение, эпигонство, заказ, требуя* нетривиальных решений, оригинальности и учета художественного опыта предыдущих поколений: «Не надо писать топорно и неуклюже, а еще как все» (А. Азаренков), «Как кто-то уже написал. И отрицая опыт мировой литературы» (Н. Андреева); «Нельзя повторяться, нужно быть оригинальным и чтобы все это было со вкусом и с умом» (Д. Вазовиков); «Банально, штамповано, подражая кому-то, не раскрывая себя» (Ю. Морозова); «Не надо писать правильно» (С. Пегов); «По заранее спланированному маршруту» (Д. Смагин); «Специально» (А. Трифонова). Второй важнейший критерий – *качество текстов*: Не надо писать топорно и неуклюже, а еще как все (А. Азаренков); «Нельзя пропускать слабые тексты. Т.е. если ты знаешь, что плохо, но все равно позволяешь себе. Думаю, я так не делала, но вот слабую строчку там позволяла не дочистить. И всегда потом приходилось переделывать» (В. Кирсанова); «Плохо»

(П. Леонова); «Банально, штамповано, подражая кому-то, не раскрывая себя» (Ю. Морозова); «Просто и пошло одновременно» (Д. Шполянский). При этом необходимо *ориентироваться на читателя*: «Не надо писать скучно и занудно» (О. Смагина). Е. Агинская *отвергает меркантильную мотивировку творчества*: «С целью заработать». А. Асадчий утверждает, что *нельзя не писать*: «Писать надо!».

Отмечая, что «ранняя» «Персона» больше ориентировалась на читателя, чем «поздняя», логично было бы перейти к вопросу, *как авторы представляют себе* этого самого своего *читателя*. В 1999 году большинство авторов пытается представить себе *читателя самого по себе*, с теми или иными качествами, но безотносительно к автору. Пожалуй, главное его качество – *интеллигентность и чувствительность*: «Мои читатели – самые обычные люди» (Н. Фролова (Андреева)); «Читатель – человек, привыкший мыслить и находящий в этом удовольствие. Лицо любого возраста и пола, интеллигент (не по профессии, а по сути)» (Н. Дегтярева); «Живущего чувствами» (Н. Дядиков); «Я думаю, что мои читатели – в основном женщины: несмелые в проявлении своих чувств, неуверенные в себе и нежные, внимательные к окружающим; мужчины – джентльмены» (В. Кирсанова); «Интеллигентным» (Д. Смагин). Доведение лучших качеств читателя приводит к ориентации на некоего идеального читателя, который совпал бы с *авторскими кумирами в искусстве*. Так, Э. Кирсанов, отвечая на этот вопрос, отсылает к списку авторов, оказавших на него наибольшее внимание (Даниил Хармс, Александр Введенский, Алексей Ремизов, Андрей Белый, Сигизмунд Кржижановский, Владимир Хлебников, Франц Кафка, Хорхе Луис Борхес, Джон Мильтон, Льюис Кэрролл, Шарль Мари Жорж Гюисманс, И. Босх, Ван Гог). *Через отношение к автору* определяют читателя двое, причем они должны *иметь много общего*: «Читатели? Как много в этом слове! Хочу заметить, что автора можно себе представить в соответствии с тем, что он пишет. Читателя тогда можно представить в соответствии с тем, что он читает. Если он читает мои произведения, то он замечательный человек» (А. Асадчий); «Таким же, как Вы представляете себе писателя» (А. Баркалов). Есть и *отказ представлять себе читателя*: «Не представляю вообще» (Е. Агинская). Наличие *шутливых ответов* можно расценивать как уход от ответа: «Маленький, зелененький, с рожками, сидит в углу и плачет» (Д. Рогацкий).

В 2019 году таких шутливых ответов три. Любопытно непреднамеренное совпадение в двух из них читательских качеств – *ум и красота*: «Красивые парни и умные девушки» (А. Азаренков); «Красивые девушки и женщины, которые хотят на море, где ничего не делать с умным видом. Или нетрезвые мрачные мужики» (А. Асадчий); «... другой пиит и запутавшийся в трех соснах шерлок холмс с кюхельбекер-стрит»

(Д. Шполянский). Определение человеческих качеств читателя самого по себе по-прежнему лидирует, но интеллигентность, интеллектуальность теперь уступает место *эмоциональности*, тонкой душевной организации, отважности, любозательности: «Мои читатели – самые обычные люди. Хотя и искушенные филологи среди них тоже встречаются» (Н. Андреева); «Хотелось бы удивленным, очарованным, эмоционально заряженным, довольным» (Д. Вазовиков); «Готовым хотя бы один раз в жизни рискнуть по-настоящему» (С. Пегов); «Любознательным» (Д. Смагин); «Думаю, это человек средних лет, который замечает красоту мира, в котором он живет» (О. Смагина). Гораздо большее количество авторов теперь стало определять читателя *через степень близости к себе самим*: «Я видела их. Милые люди. Спасибо, что вы есть!» (Е. Агинская); «Не сильно глупее себя, иначе он не считает весь этот лирический пафос, из которого я так и не выбрался в свое время» (А. Костылев); «Кто-то похожий на меня» (П. Леонова); «Не знаю, читают ли меня где-то кроме студий, поэтому не могу представить» (Ю. Морозова); «Это люди, которые оказываются по-братски близкими мне» (А. Трифонова). Нежелание ориентироваться на читателя теперь объясняется *наличием единственного Высшего Свидетеля творчества*: «Я вообще не представляю его, и думаю, что это вредно, подстраиваться под аудиторию. Можно уже готовые тексты подбирать под людей, смотря где читать будешь или публиковаться, но в процессе – нет, никогда никого, кроме Бога, не представляю свидетелем» (В. Кирсанова).

Ответы на вопрос о *постоянных и переменных величинах в истории поэзии* в 1999 году строятся, главным образом, вокруг соотношения плана содержания и плана выражения. Формальные показатели меняются, содержательные нет: «По-моему, не меняется природа вдохновения и все, что с этим связано. И почти не меняются темы (меняется их соотношение в контексте эпохи). Остальное изменчиво: язык (лексика, стиль, синтаксис), стихосложение (ритм, рифма) и т.д.» (Н. Дегтярева); «Меняется форма, остается смысл» (Н. Дядиков); «Содержание остается, а форма меняется» (Н. Фролова (Андреева)); «Не меняются предметы, объекты изображения, но меняются художественные образы, стили, языковые средства» (В. Кирсанова). Е. Агинская утверждает, что и форма, и содержание могут меняться – в противоположность духовному стержню: «Скажем так: душа остается неизменной, а форма и содержание изменяются, подчиняясь законам языка, моде и т.д., т.п.». Уникальными стали мнения об *изменчивости самих людей*, создающих или оценивающих литературу: «Литераторы умирают, а их произведения остаются. Если, конечно, для этого есть основания» (А. Асадчий); «В поэзии меняется читатель, а сама поэзия остается неизменной» (Д. Смагин); «Меняются критики» (Д. Рогацкин). Два следующих ответа фактически подразумевают, что

меняется все: «Я не пишу стихов, хотя поэтическое мировосприятие мне очень близко. Это, пожалуй, неизменно. Меняются идеи и их воплощение. Становятся добрее» (А. Баркалов) или содержат парадокс: меняются и в тоже время неизменными остаются «слова» (Э. Кирсанов).

В 2019 году тоже обсуждается в основном *баланс формы и содержания*: «Меняется язык, а неизменным остается слово» (Е. Агинская); «Остаются темы, несколько видоизменяется форма» (Н. Андреева); «Меняются слова, интерьер, темы остаются неизменными» (Д. Вазовиков); «Изменяется форма, неизменна важность оригинальности автора (в мироощущении, н-р) (Ю. Морозова); «Сама природа волшебства, каковым является поэзия в своей сердцевине – неизменна вне зависимости от трансформации формы, языка и реальности» (С. Пегов); «Меняется форма, методы, неизменны объекты познания: человек, мир, Бог (Д. Смагин); «В поэзии меняется то, что зависит от естественного состояния языка – лексика, грамматика и проч. Остается неизменным то чувство, которое поэзия должна пробуждать, – восторг перед двумя красотоми – мира и его отражения в творчестве» (О. Смагина); «Меняется язык, неизменно желание говорить на нем иначе» (Д. Шполянский); «Меняются имена и формы, остается катарсис, если поэзия – поэзия» (А. Трифонова). В последнем ответе уже есть мысль о *временности человеческого бытия*. О временной сущности человека по сравнению с вечной сущностью искусства говорит и П. Леонова: «Меняются имена, остается суть». Зато творческую сущность человека А. Асадчий считает константной: «Гений и талант неизменны, все остальное преходящее». Об *изменении и формы, и содержания* в противовес целям и настроению творчества, говорят двое: «Форма меняется до неузнаваемости. Содержание также зависит от времени. Неизменны только цели автора – сказать что-то новое (А. Костылев); «Меняется все, кроме настроения, стоящего за словами» (А. Азаренков). В. Кирсанова утверждает *изменчивость процесса смены художественных стилей и незыблемость высших достижений в искусстве*: «Бывает диско или готика, или модерн, как в музыке или архитектуре. Качественный текст может быть в любом стиле. Если он хороший, он живой, это все чувствуют, и писатели, и читатели».

Таким образом, взгляды участников «Персоны» разных лет на природу творчества, поэзию принципиально не изменились. Неизменным остается представление о чуде творчества как феномена и о необходимости строго и рационально подходить к тексту как предмету искусства. Сохраняя культурную память, необходимо стремиться к оригинальности и новизне, будучи чутким к новым веяниям и тенденциям в языке и искусстве.

Вернемся к проблеме литературной школы.

II. По сравнению со школой, «Персона», будучи университетской студией, представляет собой принципиально открытую структуру. Наряду со сложившимся костяком авторов на каждое заседание может приходиться любое количество новых людей – и авторов, и свободных слушателей – разного возраста и рода занятий. Приходят повторно и остаются из них те, для кого формат профессиональной филологической дискуссии оказывается приемлем – в противовес чтению стихов при свечах или высказыванию общего дружеского и в целом безответственного одобрения или неодобрения (первое всегда предпочтительнее). Университетская специфика сказывается и на «текучке кадров»: студенческий сегмент студии постоянно обновляется. В этих условиях невозможно сформировать единые эстетические взгляды и общность поэтики, хотя общие литературные авторитеты как в пространстве мировой литературы, так и в пределах самой студии время от времени возникают (поэтика акмеизма, авангарда, абсурдизма, Хармс, Бродский, русская рок-поэзия, в «Персоне» – Дмитрий Рогацкий в начале 1990-х, Эдуард Кирсанов – на рубеже веков). Есть и безусловный факт взаимовлияний между авторами «Персоны», который ярко проявляется, например, в многочисленных поэтических посвящениях друг другу (тема отдельного исследования), и не столь явно, но не менее удивительно – в общности минимальных тем, тематически и стилистически окрашенных слов, образов, которые вдруг обнаруживаются во время одного и того же заседания у разных авторов, представляющих свои новые тексты, которые, как правило, обсуждаются по факту написания, а не по факту публикации. Очевидно, есть некое в меру герметичное информационное пространство сообщества, в котором «в воздухе» витают общие идеи и способы их воплощения (этот феномен тоже требует специального изучения).

III. Литературная школа формируется вокруг общего авторитета, лидера, определяющего основные векторы развития представителей школы, ее эстетику и поэтику. Чаще всего лидер сам является литератором. Принадлежность лидера к творческому цеху обуславливает, с одной стороны, формулировку вполне конкретных эстетических и поэтологических критериев, по которым авторы и объединяются в сообщество (яркий пример – В.Г. Белинский и «натуральная школа»). С другой стороны, именно определенность взглядов и вкусов лидера на литературу часто провоцирует конфликты внутри творческого сообщества, влекущие за собой раскол в нем и/или прекращение его существования. Подавляющее количество литературных объединений и, особенно, школ в истории литературы, возглавляемых творческой личностью, оказываются недолговечны.

«Персона» в течение 29 лет существует под бессменным руководством Л.В. Павловой, позже и И.В. Романовой. Безусловность их авторитета среди авторов объясняется тем, что, во-первых, это универ-

ситетские преподаватели большинства участников студии, во-вторых, это высококвалифицированные филологи, ученые – доктора филологических наук, профессора. Преимущества такого руководства заключаются в том, что филолог, в отличие от писателя, стремиться к объективности оценок, путей и результатов анализа текста, демонстрирует сам и транслирует членам сообщества широту взглядов на искусство, стремиться поставить любые явления и тенденции в контекст истории литературы. Он примиряет противоборствующие стороны, учит культуре дискуссии, обеспечивая тем самым долговечность существования творческого сообщества. А руководитель-педагог еще и обеспечивает рост квалификации участников студии: семь ее авторов получили степень кандидатов филологических наук.

Постоянное профессиональное филологическое сопровождение обеспечило «Персоне» своих исследователей. Доклады, статьи о творчестве смоленских авторов исчисляются десятками, о них защищаются магистерские диссертации, готовится к защите кандидатская диссертация, лекции с успехом читаются в университетах Белоруссии, Польши, Франции, Финляндии. 25-летний юбилей «Персоны» в 2017 году отмечался не только поэтическим марафоном с большим количеством участников, не только фотовыставкой, спектаклем «Чтение в темноте», который по поэтическим произведениям авторов «Персоны» поставили и сыграли актеры Смоленского государственного драматического театра им. А.С. Грибоедова, но и научным семинаром.

На сегодняшний день «Персона» существует в двух форматах – объединения и студии. Члены объединения выпускают авторские книги (за последние три года вышло 17 авторских книг [Азаренков, 2020; Трифонова, 2019; Вазовиков, 2016; Вазовиков, 2021; Панкратова, 2021, Ратников, 2021], 11 из них в «Персональной серии» [Агинская, 2017; Азаренков, 2017; Андреева, 2019; Асадчий, 2017; Кирсанова, 2018; Костылев, 2018, Пегов, 2018; Смагин, 2017; Смагина, 2017; Трифонова, 2017; Шполянский, 2018]), участвуют в многочисленных публичных выступлениях, писательских семинарах, фестивалях и конкурсах (например, Антон Азаренков стал лауреатом премии «Лицей» в 2019 году, Анастасия Трифонова – финалисткой литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» в 2017 году, Денис Шполянский – финалистом Всероссийского литературного фестиваля «Русские рифмы» в 2016 году, Елена Агинская – лауреатом конкурса перевода финской поэзии «С Севера на Восток – 2016», Семен Пегов в 2008 году стал лауреатом Пушкинского фестиваля «С веком наравне», в 2014 году был признан «Человеком года» по версии News Media, а в 2019 году вошел в состав жюри премии «Национальный бестселлер»), вступают в творческие союзы (Антон Азаренков, Анастасия

Трифорова и Валерия Кирсанова – члены Союза писателей Москвы и Смоленского отделения Союза российских писателей).

Студия, помимо регулярных рабочих заседаний, большое внимание уделяет работе с детьми и молодежью. Это выступления в школах города и, особенно, области, проведение лекций о современной поэзии, о культуре чтения и анализа текста; мастер-классов, рассчитанных на развитие творческих способностей юных авторов, организация молодежных литературных конкурсов и т.п. Эта многолетняя литературно просветительская деятельность оформилась в социально-ориентированные проекты. Работа с творчески одаренными детьми из смоленских и – особенно – сельских школ была поддержана в 2017 году грантом Администрации Смоленской области (проект «Персональный подход»). В 2017–2018 годах Фондом Президентских грантов был поддержан масштабный проект «СловоТворчество» (руководитель – Л.В. Павлова). Кроме решения образовательных и воспитательных задач, для «Персоны» важны и эстетические: выработать у читателей хороший вкус, противящийся пошлости и графомании, обеспечить навигацию в бескрайнем информационном пространстве и научить выбирать по-настоящему хорошие тексты, издания, сайты. Тут уместно было бы вспомнить знаменитые лекции Д.С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», прочитанные и опубликованные им в 1892 году и актуальные по сей день: «...Только уродство, только пошлость в искусстве – безнравственны. Никакая порнография, никакие соблазнительные картины пороков не развращают так сердце человеческое, как ложь о добре, как банальные гимны добру, как эти горячие слезы наивных читателей над фальшиво-гуманными чувствами <...>. Кто привык плакать над ложью, тот проходит с холодным сердцем мимо истины, мимо красоты» [Мережковский, 1994, 532].

В пространстве контекстов: притяжения и отталкивания

Выход в 1996 году в Смоленске литературного альманаха с большим разнообразием тестов (поэзия, проза, драматургия) и манифестом был воспринят как заявка: на региональную литературную арену выходило новое творческое объединение. Сразу возникла необходимость соотносить его с существующими российскими и региональными писательскими институтами – как официальными, так и неформальными, – в синхронии и диахронии.

В диахронии стоит отметить так называемые «Литературные четверги», которые проходили в 1940–1970-е годы в Смоленске в здании, известном всем горожанам как Дом книги (ул. Большая Советская, 12/1), где размещалось руководство писательской организации. Там, под его непосредственным руководством проходили собрания прозаиков и

поэтов, на которых обсуждались рукописи и вышедшие в свет книги, проводились семинары молодых литераторов. Отдельные члены местной писательской организации руководили, в свою очередь, литературными кружками при домах культуры и т.п. Из молодежных творческих кружков стоит отметить студию при комсомольской газете «Большевицкая молодежь», которая выходила с 1937 по 1962 год, после чего была переименована в газету «Смена» и время от времени отчитывались о проделанной работе. Протоколы заседаний «Литературных четвергов», сохранившиеся в фондах Государственного архива Смоленской области [ГАСО] позволяют судить об официальном характере этих регулярных собраний, директивном характере критики, что не исключало, конечно, и конструктивных вещей.

Если говорить о непрофессиональных литературных объединениях Смоленского региона 1990-х годов, они существовали (и существуют) практически в каждом районе. В Смоленске на тот момент самым авторитетным было литературные объединения «Родник» под многолетним руководством члена Союза писателей России Ю.В. Пашкова (сейчас объединение носит имя своего руководителя, а возглавляет его Л. Сердечная). Уже в 2010-х годах возникли объединения «Среда» (сначала им руководила член Союза российских писателей Р. Ипатова, теперь – ее коллега по Союзу Е. Орлова) и «Чердак Модеста» (руководитель – В. Иванов), а также литературное объединение православных писателей Смоленщины (руководитель – Н. Кеженов). В Смоленской области это «Двина» (Велиж, руководитель – М. Колобова), «Звонница» (Вязьма, руководитель – С. Трошин), «Колос» (Демидов, руководитель – В. Лагуткин), в «Ельнинский родник» (Ельня, руководитель – И. Синельник), «Вазуза» (Новодурино, руководитель – В. Каплинский), «Слово» (Починок, руководитель – Н. Толбатова), «Истоки» (Рославль, руководитель – А. Агеев); «Современник» (Рудня, руководитель – В. Кудрявцев), «Вазуза» (Сычевка, руководитель – Е. Николаева). Как правило, руководители этих объединений – члены писательской организации, состав очень пестрый, преимущественно люди старшего поколения, встречаются и школьники, у которых есть потребность поделиться с кем-либо своими первыми шагами в творчестве. Руководитель обычно единственный сведущий в вопросах поэтического творчества человек и безусловный авторитет. Обсуждения ведутся на общедоступном уровне, лучшие тексты отбираются для публикаций в местной периодической печати или самостоятельно издающихся сборниках и авторских книжках, которые выпускаются за счет авторов, распространяются среди знакомых и дарятся в районную библиотеку. В целом это уровень графоманской, самодеятельной, наивной поэзии, что не исключает подлинных творческих прорывов. Справедливо-сти ради необходимо выделить на общем фоне руднянский «Современ-

ник», особенно нынешних времен руководства В. Кудрявцева, с которым у «Персоны» наладились контакты только в последние два года. На протяжении четверти века из-за разницы в уровне и задачах никаких отношений у «Персоны» с этими литО не складывалось за исключением пары совместных чтений с «Родником».

«Персона», как уже было сказано, – объединение неформальное, при филологическом факультете университета, никакого отношения к профессиональным писателям долгое время не имевшее, поэтому сразу возникала аналогия с Филологической школой, сложившейся в 1950-х годах при филологическом факультете Ленинградского государственного университета (Л. Лифшиц, Л. Виноградов, Ю. Михайлов, М. Красильников, В. Уфлянд, М. Еремин, С. Куллэ, А. Кондратов, В. Герасимов). Среди большинства представителей неофициальной литературы именно они осознавали себя группой, считали себя последователями русского футуризма и культивировали театрализованное авангардное поведение 1910-х годов. Составители наиболее масштабных антологий неподцензурной литературы К. Кузьминский и Г. Сапгир выделяют немалое многообразие литературных групп российского литературного андеграунда. В «Антологии у Голубой Лагуны» это Филологическая, Барачная, Геологическая, Формальную школы, круг поэтов «Синтаксиса» [Кузьминский, Ковалев]. В антологии неофициальной поэзии Г. Сапгира, расширенной И. Ахметьевым [Неофициальная поэзия], принцип выделения сначала групп (например, группа Черткова, Лианозовская, клуб «Факел», Лито Глеба Семенова, «Верпа», «Хеленукты», «Московское время»). Клуб «Поэзия» и т.д.), потом более аморфных сообществ («Сексуальные мистики», круг М. Красильникова, «Ахматовские сироты», круг Июффе-Сабурова, круг Давида Дара, круг К. Кузьминского и т.д.) нечеткий, по десятилетиям, локализации. Большинство сообществ выделялось (по крайней мере, К. Кузьминским) по месту постоянных дружеских встреч, во время которых, среди прочего, могли иметь место и литературные чтения и споры. Как пишет В. Куллэ, «“Филологическая школа”, сложившаяся вокруг университетского филфака, единственная исхитрилась оправдать свое название не только топографически, но и семантически. Ибо если каждый поэт является филологом по определению, то для авторов “школы” пристальное внимание к семантическим нюансам, поливалентность смысла, нетривиальная рифмовка определяли саму логику построения стиха» [Куллэ, 2006, 5]. Эти слова в полной мере можно отнести и к «Персоне», главной отличительной чертой которой стал именно филологизм.

Вторым примером близкой концепции и структуры стала литературная студия «Луч» Игоря Волгина при МГУ им. М.В. Ломоносова, существующая с 1968 года [Волгин, 2001]. В ее недрах зарождались другие литературные объединения и группы, например, группа «Московское

время» в 1970-х годах, «Орден куртуазных маньеристов» – в 1980-х. Позднее успешные литераторы С. Гандлевский, Б. Кенжеев, А. Сопровский, А. Цветков, В. Павлова, Д. Быков, В. Степанцов и другие были в свое время воспитанниками этой студии. «Персону» с «Лучом» роднит преимущественно молодежный состав, периодическая сменяемость поколений, «независимость от официоза, духовная раскрепощенность», неприятие пошлости в любом виде строгий подход к анализу текстов, который сочетается с уместной шуткой. Главное дело студии «как жанра» Волгин определяет как самосовершенствование. Для «Персоны» это чрезвычайно актуально. Но вот дальнейшая эволюция «Луча», плавно перекочевавшего в 1990-е годы в семинар Литинститута, расходится с эволюцией «Персоны», сохраняющей «в костяке» единство своего состава, где наряду с каждым раз новыми юными авторами соседствуют «ветераны», годящиеся первым в отцы. При этом «Персона», как было сказано, совмещает черты творческого объединения и студии и активно занимается проектной деятельностью.

Филологизм, отличавший и Филологическую школу, и студию «Луч», стал у «Персоны» важным критерием отношения к текстам и даже линией поведения, которое, если кого-то и эпатирует, то не авангардным поведением, а, скорее, академизмом. Именно филологизм стал камнем преткновения между ней и Смоленской писательской организацией.

В целом любое поэтическое явление на Смоленской земле традиционно принято соотносить со Смоленской поэтической школой, ярче всего представленной ее лидером Михаилом Исаковским и его младшими коллегами по цеху Александром Твардовским и Николаем Рыленковым. Гипотезу о ее существовании на рубеже 1920–1930-х годов сформулировал литературный критик, наш земляк А.В. Македонов [Македонов, 1960]. Для представителей Смоленской поэтической школы и их последователей характерны: повышенный интерес к проблемам общественной жизни; документальность; обостренное чувство малой родины; устойчивый интерес к людям «новой биографии», среди которых и ищется новый герой; синтез повествовательного, лирического и драматического начала, песенной и разговорной особенностей поэтической речи, синтез обыденного и героического в сюжете. На сегодняшний момент традиции Смоленской поэтической школы продолжают развивать два региональных отделения – Союза писателей России и Союза российских писателей. Для первых осталась актуальна также традиция ново-крестьянской поэзии Николая Клюева, Сергея Есенина, Павла Васильева, Сергея Клычкова, для второго – традиция так называемой «тихой лирики» рубцовского плана.

Взаимоотношения у Союза писателей с его традициями гражданской поэзии и патриархальных идеалов, с одной стороны, и «персонов-

цев» – с другой, ориентировавшихся всегда не столько на песенную, сколько на книжную традицию, в большей степени акмеистическую и авангардную, складывались по принципу взаимного отталкивания. «Персону» в творчестве старших земляков не устраивает установка на поэтику прямого высказывания и игнорирование поисков в области стихотворной речи (культивирование четырехстопного ямба и четверостиший). Старшее поколение четко сформулировать свои претензии к молодым авторам не могло. Вот как об истории этого взаимодействия образца 1997 года вспоминает один из первых участников «Персоны» Александр Асадчий:

(О положении дел в областной поэзии, опубликовано в еженедельнике «Смоленские губернские ведомости» 28.01.97)

«... Такой вот расклад. Одним из вариантов выхода из кризиса могла бы стать литературная группировка студентов филфака СГПИ, но произведения ее авторов не обнадеживают. К сожалению, в них ощутимо звучат все те же авангардные тенденции. Поневоле возникает вопрос: неужели молодым нечего почерпнуть из литературной шахты, разработанной их земляками, поэтами литературного объединения «Лира»? Стихи Александра Асадчего, Андрея Баркалова и проч. становятся звеньями очередной модели уже знакомого замкнутого круга – сонма уподобных метафор и диссонансных рифм. Не к ним ли вызывает смоленский классик Алексей Мишин в своем стихотворении «Сиротская зима»:

*«Не утренний ледок,
А чавканье воды...
Куда идешь теперь, Россия молодая?
Как тяжелы твои постылые следы?»*

Мое резюме на эту рецензию сразу после прочтения было грубым:

«Скажут небесные клячи»

Я так и написал прямо на сборнике смоленских поэтов под названием «Небесные кони» [Павлова, Романова, 2016].

Надо сказать, что с 1990-х годов в отношениях Союзов писателей и «Персоны» мало что изменилось. Главная претензия смоленских авторов старшего поколения к творчеству молодых сформулирована только в последние годы, но, по сути, остается прежней – филологичность. После разнообразных торжеств, посвященных 25-летию студии (фотовыставка, спектакль Смоленского драматического театра, созданный исключительно из стихотворений авторов «Персоны», Филологический семинар, трехчасовой поэтический марафон), самый молодой – 35-летний – член Смоленского отделения Союза российских писателей Вячеслав Иванов разразился постом в соцсетях: «Я порвал бы в клочья их филологизм». Объяс-

няя свою позицию, он выразил неприятие так называемой «формальной поэзии». Руководитель Смоленского Союза российских писателей Владимир Макаренков считает все творчество авторов «Персоны» авангардным, и в этом заключается его главная претензия. Один из самых ярких представителей смоленского СП Раиса Ипатова (1946–2015) не терпела филологического анализа и презрительно относилась к профессиональным критическим отзывам и исследованиям. Заметим, что все упомянутые представители смоленской «профессиональной» поэзии – «физики», точнее, инженеры по своему базовому образованию.

Под «филологизмом», «авангардизмом» и «формальной поэзией» они понимают повышенное внимание к форме (стихотворение пишется спонтанно, «душой» и не требует «ремесленной работы» над ним); любая попытка подойти к нему как к «тексту», отметить особенности стихосложения, проследить систему образов, своеобразие композиции расценивается как циничная вивисекция. Уход от прямого высказывания и публицистичности в поэзии рассматривается как отсутствие смысла; избегание избитых четверостиший и усложнение строфики, избегание точной рифмы, не говоря уже об отказе от нее, как и от классического стихосложения, квалифицируется как неспособность достигнуть гармонической точности; интертекстуальность – как демонстрация эрудиции, унижающей достоинство читателя; рассудочность – как бессердечие и паралич души. Поэты старшего поколения оскорблены тем, что молодежь не желает писать *понятно*, «березовым языком отцов и дедов», черпать вдохновение в простых вещах, отношениях, событиях, в природе, а не в культурном слое. Неприятие определенной культурной традиции выражается, например, в таком «посте» в Интернете главы Смоленского СП по поводу стихотворения И. Бродского «Для школьного возраста» («Ты, знаешь, с наступленьем темноты...», 1964): *«Удивительно, что это нравится людям! Прикинуть, например, пространство на глаз возможно лишь до линии горизонта, остальное – только в мыслях. Обыкновенный “кубик Рубик”, иначе – кубизм в поэзии, игра ума и не более. Сама поэзия, как жизненное вещество, отсутствует здесь. По крайней мере, сердце мое не бьется чаще, струны души молчат и только мозг напрягается, силясь понять хитросплетение выдумки из слов, например, разлуку множа на зарю. Если взять и рассмотреть смысл слов “заря” и “разлука”, то для того, чтобы поставить их в один ряд, нужны хорошие обстоятельства и определения к ним. Чего в стихах нет. Два варианта: заря – символ расцвета или заката, второй – кровавая заря, огонь уничтожающий. Бродский нам предлагает выбрать любой из этих вариантов. И оба проигрышны. В общем, складывание кубика все это, а не высший пилотаж в поэзии»* [Макаренков].

Определить место «Персоны» на пространстве российской поэзии, намечающиеся притяжения и отталкивания объективнее всего позволяют наблюдения над стихотворной речью. Этому вопросу было посвящено отдельное исследование [Павлова, Романова, 2016], выполненное на основе сопоставления статистических данных по стиху авторов «Персоны» с аналогичными данными М.Л. Гаспарова по стиху поэтических рубрик шести российских литературных журналов разной эстетической и политической направленности как раз за 1997 год [Гаспаров, 2012], данных В.В. Сонькина за 2009 год по стиху современных авторов, чье творчество представлено на поэтических сайтах профессиональных литераторов «Вавилон» (<http://www.vavilon.ru/>) и любителей «Стихира» (<http://www.stihi.ru/>) [Сонькин, 2009]. Коротко его выводы можно представить следующим образом. В области стиха «Персона» опережает даже «левые» тенденции в современной поэзии, при этом оказываясь ближе всего к стихотворной практике профессиональной поэзии, но не за счет верлибра, сознательно удерживая стих в диапазоне от дольника до акцентного стиха. В этом «Персона» оказывается ближе русскому руслу развития современного стиха, а не европейскому. Параллельно она продолжает раскрывать выразительные способности ямба, отдавая предпочтение 5-стопному и вольному ямбам, имеющим широкие возможности в органичной передаче как философского содержания, так и разговорных интонаций. Кроме того, «Персона» уверенно вводит в практику логазды, сочетая классичность звучания с современным языковым и семантическим наполнением текстов.

* * *

В целом можно заключить, что «Персона» (1992 – по настоящее время) стала уникальным культурным явлением, не имеющим аналогов ни на Смоленской земле, ни за ее пределами. Она соединила в себе черты литературного объединения, студии и социально-просветительского проекта. Прочная филологическая основа, стремление к научной объективности анализа, культ текста, система трансляции основ филологической культуры, общегуманитарного образования позволили ее авторам внутри одного сообщества за 29 лет сохранить принципиальное разнообразие авторских манер и усвоить лучшие достижения российской поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

- Агинская Елена. К слову: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2017. 64 с.
Азаренков Антон. (а) ***: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2017. 56 с.
Андреева Наталья. Далекий разговор: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2019. 52 с.
Асадчий А.П. «Саморазвивающееся устройство или Человек с прописной буквы».

Асадчий Александр. Ирония заблумшего героя: сборник стихотворений. Смоленск: Свиток, 2017. 56 с.

Баевский В.С. Литературная студия кафедры истории и теории литературы // Смоленская газета. 2003. 20 марта.

Баевский В.С. Слово. Ритм. Образ. Деталь <О стихах Е. Кубышкиной> // Край Смоленский. 1992. № 9. С. 75–76.

Баркалов А.В. Треугольник души // Смоленские губернские ведомости. – 2004. – 20 января.

Березнев А. Персона – это десять лиц // Смоленские новости. – 1996. – 3 марта.

Бирюков С. (а) И плакать хочется от звона бубенцов... // Футурум АРТ. 23 ноября 2003. URL: <http://www.futurum-art.ru/authors/kirsanov.php>. (дата обращения 10.11.2019).

Бирюков С. Квадрат окна. Треугольник души: Эдуард Кирсанов из Академии Зауми // Независимая газета. 2003. 18 декабря.

Бирюков С. Рецензия на книгу Э. Кирсанова «В крошечной тьме я маленькая точка» // «Дети Ра». 2005. № 6.

Вазовиков Дмитрий. Наша жизнь – это музыка вечная. Смоленск: б/и, 2016.

Вазовиков Дмитрий. Флирт. Смоленск: Свиток, 2021. 52 с.

Волгин И.Л. Литературная студия как жанр // Арион, 2001. № 1. URL: <http://www.arion.ru/mcontent.php?idx=97&number=14&year=2001> (дата обращения 10.11.2019).

ГАСО. Ф.Р. 3473. Оп.1, д. 25. Дневник литературно-творческих четвергов.

Гаспаров М.Л. Избранные труды. Том IV: Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 514–520.

Глуховская Е. Поэзия «Персоны» в постсоветском пространстве // Филологическому семинару – 40 лет: сборник трудов научной конференции «Современные пути исследования литературы», посвященной 40-летию Филологического семинара, (22–24 мая 2007 г.) / Сост. И ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова, М.С. Козлова, О.М. Таршина. Смоленск: СмолГУ, 2008. Т. 1. 354 с.

Ермоленко Г.Н. Итоги и начала // Край Смоленский. 1996. № 7–10. С. 72–80.

Кирсанов Э. Круг чтения. Квадрат окна. Треугольник души. Смоленск, 2002.

Кирсанова Валерия. Кармашек: сборник стихотворений. Смоленск: Свиток, 2018. 56 с.

Костылев Алексей. Мы не здесь: сборник стихотворений. Смоленск: Свиток, 2018. 96 с.

Кузьминский К.К., Ковалев Г.Л. Антология новейшей русской поэзии у Голубой лагуны в 5 томах. THE BLUE LAGOON ANTOLOGY OF MODERN RUSSIAN POETRY by K. Kuzminsky & G. Kovalev. Oriental Research Partners. Newtonville, Mass. URL: <https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/otomosem.htm#4> (дата обращения 10.11.2019).

Кулагин Г., Ненашенская А. Смоленская «Персона» // Новая смена. – 1996. – 18 апреля.

Куллэ В. Спасибо // «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография / Сост. В. Куллэ, Владимир Уфлянд. М.: «Летний сад», 2006 («Волшебный хор»). 656 с. С. 5–10.

Лекманов О.А. Акмеизм как литературная школа: Опыт структурной характеристики: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01. Москва, 2001. 324 с.

Литературные манифесты и декларации русского модернизма / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН; отв. ред. Ю.К. Герасимов, Е.И. Гончарова. Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2017. 949, [1] с.

Макаренков В. URL: https://vk.com/vvmakarenkov?w=wall288262677_277%2Fall (дата обращения: 13./02.2018).

Македонов А.В. О “смоленской” поэтической школе, ее месте в развитии советской поэзии и трех юбилеях // Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск, 1960. С. 3–33.

Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1994.

Неофициальная поэзия. Антология. URL: <https://rvb.ru/np/publication/contents.htm> (дата обращения 10.11.2019).

Павлова Л.В. Три дома лирики Дмитрия Смагина // Персона: Литературный альманах. Вып. 4 / Сост. и ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова, О.А. Смагина. Смоленск, 2003. С. 140–148.

Павлова Л.В., Романова И.В. «Что ни напишешь, один бесконечный гамлет...»: Литературное объединение «Персона» (Смоленск) во взаимоотношении с традицией // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4(36). С. 69–79.

Павлова Л.В., Романова И.В. Судьба «Персоны»: Вместо предисловия // Персона: Литературный альманах. Вып. 3 / Сост. и ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск, 1999. С. 7–8.

Павлова Л.В., Романова И.В. Цветовой облик «Персональной серии» // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4(48). С. 58–79.

Панкратова Елена. Берег и залив. Смоленск: Свиток, 2021. 60 с.

Пегов Семен. Чай-чай-выручай: сборник стихотворений. Смоленск: Свиток, 2018. 96 с.

Персона. Литературный альманах. / Сост. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Оформление Ю. Птица. Смоленск: б/и, 1996. 80 с.

Персона. Литературных альманах. Выпуск 3. / Сост. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск: б/и, 1999. 140 с.

Ратников Дмитрий. Космическая опера. Москва: Стеклограф, 2021. 78 с.

Романова И.В. «Все есть в стихах»: Обзор поэтического творчества «Персоны» // Персона: Литературный альманах. Вып. 3 / Сост. и ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск, 1999. С. 101–124.

Романова И.В. «НЕ-ВЕРОЯТНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ»: о книге стихов Э. Кирсанова «Круг чтения» // Персона: Литературный альманах. Вып. 4 / Сост. и ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова, О.А. Смагина. – Смоленск, 2003. – С. 149–155. (a)

Романова И.В. PERSONA GRATA// Персона: Литературный альманах. Вып. 4 / Сост. и ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова, О.А. Смагина. Смоленск, 2003. С. 9–13.

Романова И.В., Смагина О.А. Заметки на полях четвертого выпуска альманаха «Персона» // Персона: Литературный альманах. Вып. 4 / Сост. и ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова, О.А. Смагина. – Смоленск, 2003. С. 134–139.

Рыленков Н.И. Я от всей души желаю им удачи // Тропинка на Парнас: Стихи. М., 1969. С. 125.

Симян Т.С. К проблеме манифеста как жанра: генезис, понимание, функция // Критика и семиотика. 2013/2(19). С. 130–148.

Смагин Д. Под созвездием Микроскопа. Смоленск, 2004.

Смагин Д. Путаница: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2017.

Смагина О. Гении тридцатилетия. Смоленск, 2005.

Смагина О.А. Город «Персоны» // Персона: Литературный альманах. Вып. 3 / Сост. и ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск, 1999. С. 125–134.

Смагина Ольга. Странная буква: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2017. 56 с.

Соловьева Н. Коэффициент преобразования в прозе «Персоны» // Персона: Литературный альманах. Вып. 3 / Сост. и ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск, 1999. С. 135–140.

Сонькин В.В. Традиционный стих в контексте современной русской поэзии // Славянский стих. VIII: Стих, язык, смысл / Под ред. А.В. Прохорова, Т.В. Скулачевой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 390–393.

Тонконогов Д. Маленькая точка // Арион. 2005. № 1. С. 56–57.

Трифонова Анастасия. Желтый икарус вдали. Смоленск: Свиток, 2019. 76 с.

Трифонова Анастасия. Стихи другого человека: книга стихов. Смоленск: Свиток, 2017. 48 с.

Филологическому семинару – 40 лет: сборник трудов научной конференции «Современные пути исследования литературы», посвященной 40-летию Филологического семинара (22–24 мая 2007 г.). В 2 т. Смоленск: СмолГУ, 2008.

Шполянский Денис. Стихотворение во времени: сборник стихотворений. Смоленск: Свиток, 2018. 56 с.

L.V. Pavlova, I.V. Romanova

Smolensk State University

Smolensk, Russia

THE PHENOMENON OF «PERSONA» (SMOLENSK)

Key words: literary association «Person», modern poetry, convention, tradition, verse.

The article is an analysis of the specifics of the Smolensk literary studio «Persona» for almost 30 years of its existence and raises questions about the history of its origin, the definition of the format and the manifestation of the features of both the studio and the literary association. The diachrony reviews the attitude of its authors to the tradition, purpose and essence of poetic creativity. The place of the «Person» in the context of regional literature is determined. The poetic speech of the authors of

«Persona» is considered against a broad background of professional and amateur modern poetry. The authors of the article come to the conclusion that the «Persona» has become a unique cultural phenomenon that has no analogues either on the Smolensk land or beyond. It combines the features of a literary association, a studio and a social and educational project. A solid philological foundation, the desire for scientific objectivity of analysis, the cult of the text, the system of broadcasting the basics of philological culture, general humanitarian education allowed its authors within one community for 29 years to preserve the fundamental diversity of author's manners and assimilate the best achievements of Russian poetry.

REFERENCES

- Aginskaja Elena. By the way: a book of poems [K slovu: kniga stihov]. Smolensk, Svitok, 2017. 64 p. (in Russian)
- Azarenkov A.A. (a) Poetics of the composition of «great poems» by Joseph Brodsky: abstract dis. ... candidate of philological sciences [Poetika kompozitsii «bol'shikh stikhotvorenii» Iosifa Brodskogo: avtoreferatdis. ... kandidata filologicheskikh nauk]. Smolensk, 2017. 18 p. (in Russian)
- Azarenkov Anton. ***: a book of poems [***: kniga stihov]. Smolensk, Svitok, 2017. 56 p. (in Russian)
- Andreeva Natal'ja. Far talk: a book of poems [Daljokij razgovor: kniga stihov]. Smolensk, Svitok, 2019. 52 p. (in Russian)
- Asadchij A.P. «A self-developing device or a person with a capital letter» [Samorazvivaiushcheesia ustroistvo ili Chelovek s propisnoi bukvy]. (in Russian)
- Asadchij Aleksandr. The irony of a zablumshij hero: a collection of poems [Ironija zablumshego geroja: sbornik stikhotvorenij]. Smolensk, Svitok, 2018. 56 p. (in Russian)
- Baevskii V.S. Literary studio of the Department of History and Theory of Literature [Literaturnaja studija kafedry istorii i teorii literatury]. *Smolenskaia gazeta*, 2003. March 20. (in Russian)
- Baevskii V.S. Word. Rhythm. Image. Detail <About E. Kubyshkina's poems> [Slovo. Ritm. Obraz. Detal' <O stikhakh E. Kubyshkinoi>]. *Krai Smolenskii*, 1992, no. 9, pp. 75–76. (in Russian)
- Barkalov A.V. Triangle of the soul [Treugol'nik dushi]. *Smolenskie gubernskie vedomosti*, 2004. January 20. (in Russian)
- Bereznev A. Person is ten persons [Persona – eto desiat' lits]. *Smolenskie novosti*, 1996. March 3. (in Russian)
- Biriukov S. (a) And I want to cry from the ringing of bells... [I plakat' khochetsia ot zvona bubentsov...]. *Futurum ART*. November 23, 2003. Available at: <http://www.futurum-art.ru/autors/kirsanov.php>. (accessed 10.11.2019). (in Russian)
- Biriukov S. The square of the window. Triangle of the Soul: Eduard Kirsanov from the Zaumi Academy [Kvadrat okna. Treugol'nik dushi: Eduard Kirsanov iz Akademii Zaumi]. *Nezavisimaia gazeta*, 2003. December 18. (in Russian)
- Biriukov S. Review of the book by E.Kirsanov «In pitch darkness I am a small dot» [Retsenziia na knigu E. Kirsanova «V kromeshnoi t'me ia malen'kaia tochka»]. *Deti Ra*, 2005, no. 6. (in Russian)
- Vazovikov Dmitrii. Our life is eternal music [Nasha zhizn' – eto muzyka vechnaia]. Smolensk, 2016. (in Russian)

- Vazovikov Dmitriy. Flirting [Flirt]. Smolensk, Svitok, 2021. 52 p. (in Russian)
- Volgin I.L. Literary studio as a genre [Literaturnaia studiia kak zhanr]. *Arion*, 2001, no. 1. Available at: <http://www.arion.ru/mcontent.php?idx=97&number=14&year=2001> (accessed 10.11.2019). (in Russian)
- GASO. F.R. 3473. Op.1, d. 25. Diary of literary and creative Thursdays [Dnevnik literaturno-tvorcheskikh chetvergov]. (in Russian)
- Gasparov M.L. Selected works. Volume IV: The Linguistics of Verse. Analyses and interpretations [Izbrannye trudy. Tom IV: Lingvistika stikha. Analizy i interpretatsii]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2012. Pp. 514–520. (in Russian)
- Glukhovskaia E. [Poeziia «Persony» v postsovetском prostranstve [Poetry «Persons» in the post-Soviet space]. *Philological seminar – 40 years: collection of proceedings of the scientific conference «Modern ways of researching literature», dedicated to the 40th anniversary of the Philological seminar, (May 22–24, 2007)* [Filologicheskomu seminaru – 40 let: sbornik trudov nauchnoy konferencii «Sovremennye puti issledovaniia literatury», posvjashhennoj 40-letiju Filologicheskogo seminaru, (22–24 maja 2007 g.)]. Vol. 1. Smolensk, SmolGU, 2008. Pp. 345–352. (in Russian).
- Ermolenko G.N. Results and beginnings [Itogi i nachala]. *Krai Smolenskii*. 1996, no. 7–10. Pp. 72–80. (in Russian)
- Kirsanov E. Reading circle. The square of the window. The triangle of the soul [Krug chteniia. Kvadrat okna. Treugol'nik dushi]. Smolensk, 2002. (in Russian)
- Kirsanova Valeriia. Pocket: a collection of poems [Karmashek: sbornik stihotvorenij]. Smolensk, Svitok, 2018. 56 p. (in Russian)
- Kostyl'jov Aleksej. We are not here: a collection of poems [My ne zdes': sbornik stihotvorenij]. Smolensk, Svitok, 2018. 96 p. (in Russian)
- Kuz'minskii K.K., Kovalev G.L. Anthology of the latest Russian poetry at the Blue Lagoon in 5 volumes. THE BLUE LAGOON ANTOLOGY OF MODERN RUSSIAN POETRY by K. Kuzminsky & G. Kovalev [Antologija noveishei russkoi poezii u Goluboi laguny v 5 tomakh. THE BLUE LAGOON ANTOLOGY OF MODERN RUSSIAN POETRY by K. Kuzminsky & G. Kovalev]. Oriental Research Partners. Newtonville, Mass. Available at: <https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/otomosem.htm#4> (accessed 10.11.2019). (in Russian)
- Kulagin G., Nenashenskaia A. Smolensk «Person» [Smolenskaia «Persona»]. *Novaia smena*, 1996, April 18th. (in Russian)
- Kulle V. Thank you [Spasibo]. «Philological school». Texts. Memories. Bibliography [«Filologicheskaia shkola». Teksty. Vospominaniia. Bibliografiia]. Moscow, Letnii sad, 2006 («Volshebnyi khor»). Pp. 5–10. (in Russian)
- Lekmanov O.A. Acmeism as a literary school: The experience of structural characteristics: dissertation ... Doctor of Philology : 10.01.01 [Akmeizm kak literaturnaia shkola: Opyt strukturnoi kharakteristiki: dissertatsiia ... doktora filologicheskikh nauk: 10.01.01]. Moscow, 2001. 324 p. (in Russian)
- Literary manifestos and declarations of Russian modernism [Literaturnye manifesty i deklaratsii russkogo modernizma]. Sant Peterburg, Pushkinskii Dom, 2017. 949, [1] p. (in Russian)
- Makarenkov V. Available at: https://vk.com/vvmakarenkov?w=wall288262677_277%2Fall (accessed 13.02.2018). (in Russian)
- Makedonov A.V. About the «Smolensk» poetic school, its place in the development of Soviet poetry and three anniversaries [O «smolenskoi» poeticheskoi

shkole, ee meste v razvitii sovetskoi poezii i trekh iubileiakh. Makedonov A.V. Essays of Soviet poetry [Ocherki sovetskoi poezii]. Smolensk, 1960. Pp. 3–33. (in Russian)

Merezhkovskij D.S. L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal companions [Tolstoj i Dostoevskij. Vechnye sputnik]. Moscow, Respublika, 1994. (in Russian)

Unofficial poetry. Anthology [Neofitsial'naja poezii. Antologija]. Available at: <https://rvb.ru/np/publication/contents.htm> (accessed 10.11.2019). (in Russian)

Pavlova L.V. Three houses of lyrics by Dmitry Smagin [Tri doma liriki Dmitriia Smagina]. Person: Literary almanac. [Persona: Literaturnyi al'manakh]. Issue 4. Smolensk, 2003. Pp. 140–148. (in Russian)

Pavlova L.V., Romanova I.V. «Whatever you write, one endless Hamlet...»: Literary association «Persona» (Smolensk) in relation to tradition [«Chto ni napisesh', odin beskonechnyi gamlet...»: Literaturnoe ob'edinenie «Persona» (Smolensk) vo vzaimootnoshenii s traditsiei]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 4(36), Pp. 69–79. (in Russian)

Pavlova L.V., Romanova I.V. [Sud'ba «Persony»: Vmesto predisloviia]. Person: Literary almanac. [Persona: Literaturnyi al'manakh]. Issue 3. Smolensk, 1999. Pp. 7–8. (in Russian)

Pavlova L.V., Romanova I.V. Color appearance of the “Personal series” [Tsvetovoy oblik «Personal'noy serii»]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019, no. 4(48), Pp. 58–79. (in Russian)

Pankratova Elena. Shore and bay [Bereg i zaliv]. Smolensk, Svitok, 2021. 60 p. (in Russian)

Pegov Semjon. Chaj-chaj-vyruchaj: a collection of poems [Chaj-chaj-vyruchaj: sbornik stihotvorenij]. Smolensk, Svitok, 2018. 96 p. (in Russian).

Persona: A literary almanac [Persona: Literaturnyj al'manah]. Smolensk, 1996. 80 p. (in Russian).

Persona: A literary almanac [Persona: Literaturnyj al'manah]. Issue 3. Smolensk, 1999. 140 p. (in Russian)

Ratnikov Dmitrij. Space opera [Kosmicheskaja opera]. Moscow, Steklograf, 2021. 78 p. (in Russian)

Romanova I.V. «Everything is in verse»: A review of the poetic creativity of «Persona» [«Vse est' v stikhakh»: Obzor poeticheskogo tvorchestva «Persony»]. Person: Literary almanac. [Persona: Literaturnyi al'manakh]. Issue 3. Smolensk, 1999. Pp. 101–124. (in Russian)

Romanova I.V. (a) «NON-PROBABILITY OF EXISTENCE»: about the book of poems by E. Kirsanov «Reading circle» [«Ne-veroiatnost' sushchestvovaniia»: o knige stikhov E. Kirsanova «Krug chtenii»]. Person: Literary almanac. [Persona: Literaturnyi al'manakh]. Issue 4. Smolensk, 2003. Pp. 149–155. (in Russian)

Romanova I.V. PERSONA GRATA. Person: Literary almanac. [Persona: Literaturnyi al'manakh]. Issue 4. Smolensk, 2003. Pp. 9–13. (in Russian)

Romanova I.V., Smagina O.A. Notes on the margins of the fourth issue of the almanac «Persona» [Zametki na poliakh chetvertogo vypuska al'manaka «Persona»]. Person: Literary almanac. [Persona: Literaturnyi al'manakh]. Issue 4. Smolensk, 2003. Pp. 134–139. (in Russian)

Rylenkov N.I. I sincerely wish them good luck [Ja ot vsej dushi zhelaui im udachi]. Path to Parnassus: Poems Tropinka na Parnas: Stikhi]. Moscow, 1969. P. 125. (in Russian)

Simian T.S. Under the constellation of the Microscope [K probleme manifesta kak zhanra: genezis, ponimanie, funktsiia]. *Kritika i semiotika*, 2013, no.2(19), Pp. 130–148. (in Russian)

Smagin D. Under the constellation of the Microscope [Pod sozvezdiem Mikroskopa]. Smolensk, 2004. (in Russian)

Smagin D. Confusion: a book of poems [Putanitsa: kniga stikhov]. Smolensk, Svitok, 2017. (in Russian)

Smagina O. Geniuses of the thirtieth anniversary [Genii tridtsatiletiia]. Smolensk, 2005. (in Russian)

Smagina O.A. The city of «Persona» [Gorod «Persony»]. Person: Literary almanac. [Persona: Literaturnyi al'manakh]. Issue 3. Smolensk, 1999. Pp. 125–134. (in Russian)

Smagina Ol'ga. A strange letter: a book of poems [Strannaia bukva: kniga stikhov]. Smolensk: Svitok, 2017. 56 p. (in Russian)

Solov'eva N. Coefficient of transformation in the prose of «Persona» [Koeffitsient preobrazheniia v proze «Persony»]. Person: Literary almanac. [Persona: Literaturnyi al'manakh]. Issue 3. Smolensk, 1999. Pp. 135–140. (in Russian)

Son'kin V.V. Traditsionnyi stikh v kontekste sovremennoi russkoi poezii // Slavianskii stikh. VIII: Stikh, iazyk, smysl / Pod red. A.V. Prokhorova, T.V. Skulachevoi. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2009. Pp. 390–393. (in Russian)

Tonkonogov D. Small dot [Malen'kaia tochka]. *Arion*, 2005, no. 1, Pp. 56–57. (in Russian)

Trifonova Anastasiia. Yellow icarus in the distance [Zheltyi ikarus vdali]. Smolensk, Svitok, 2019. 76 p. (in Russian)

Trifonova Anastasiia. Poems of another person: a book of poems [Stikhi drugogo cheloveka: kniga stikhov]. Smolensk, Svitok, 2017. 48 p. (in Russian)

Philological seminar – 40 years: collection of proceedings of the scientific conference «Modern ways of researching literature», dedicated to the 40th anniversary of the Philological seminar, (May 22–24, 2007) [Filologicheskomu seminaru – 40 let: sbornik trudov nauchnoj konferencii «Sovremennye puti issledovaniia literatury», posvjashhennoj 40-letiju Filologicheskogo seminaru, (22–24 maja 2007 g.)]. In 2 volumes. Smolensk, SmolGU, 2008. 354 p. (in Russian)

Shpoljanskij Denis. A poem in time: a collection of poems [Stihotvorenie vo vremeni: sbornik stihotvorenij]. Smolensk, Svitok, 2018. 56 p. (in Russian)